

Корбачёва Татьяна Валерьевна
магистр филологических наук,
преподаватель кафедры фонетики
и грамматики испанского языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Tatiana Karbachova
Master of Philology, Lecturer at the
Department of Phonetics and Grammar
of the Spanish Language
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
corbatan@rambler.ru

СЕМАНТИКА СЛОВА С ПОЗИЦИИ ЛЕКСИКОГРАФА И НОСИТЕЛЯ ЯЗЫКА

MEANINGS OF WORDS FROM THE POSITION OF A LEXICOGRAPHER AND A NATIVE SPEAKER

В статье рассматриваются содержательные характеристики значений слов, объективированные в описаниях профессиональными лексикографами и носителями языка. На примерах лексикографических дефиниций названий времен года, приводимых в авторитетных словарях русского языка, и определениях этих слов, предлагаемых носителями языка, демонстрируются вариативность набора признаков в представлении значений слов, разные структуры и границы их семантического описания. При этом и лексикографы, и носители языка придерживаются определенной семантической модели представления значения.

Ключевые слова: лексическое значение; дефиниция; концептуальная структура; вариативность; семантический потенциал.

The article deals with significant characteristics of word meanings objectified in their descriptions by professional lexicographers and native speakers. On the examples of lexicographic definitions of the season names given in the authoritative dictionaries of the Russian language, and the definitions of these words offered by native speakers, the variability of sets of features represented in the word meanings, different structures and boundaries of their semantic descriptions are demonstrated, despite the fact that both lexicographers and native speakers adhere to some semantic model of meaning representation.

Key words: lexical meaning; definition; conceptual structure; variability; semantic potential.

Тема данной работы продиктована активным обращением ведущих лингвистов советского и постсоветского периода, зарубежных ученых к самым, казалось бы, простым словам в поисках решения важнейших проблем лексической семантики, среди которых центральной является раскрытие того, что скрывается, по образному выражению Е. С. Кубряковой, в глубинах «семантического айсберга». Не случайно, определяя главные цели современной лингвистики, Н. Хомский поставил данный вопрос на первое место в общем перечне следующих проблем: «1) что представляет собой знание языка, что существует в мозгу/сознании говорящего на английском, испанском или

японском языках; 2) как возникает эта система знаний в мозгу/сознании; 3) как используется эта система знаний в речи (или вторичных системах, таких как письмо); 4) каковы физические механизмы, используемые в качестве материальной базы для этой системы знаний и для применения этих знаний» [1, р. 3] (перевод наш. – Т. К.).

Сразу же подчеркнем, что необходимость ответить на вопрос, что несет в себе то или иное слово, возникла не сегодня и не в теории языкознания, а в практике пользования языком. Такая необходимость объективировать и описывать значения слов человечеством ощущается с самых ранних моментов его существования, несмотря на то, что люди успешно пользуются языком, употребляя слова и организуя их в определенные высказывания для выражения своих мыслей, намерений, состояний и др. Под давлением коммуникативных потребностей, постоянно возникающих в повседневной коммуникации, потребностей обучения как родному языку, так и иностранному, под давлением культурных потребностей прочтения и понимания литературных памятников и многих других социальных и психологических факторов человечество пытается найти решение данной практической задачи в виде метаязыковой деятельности в ее разных проявлениях.

Цель предлагаемого ниже исследования – выявить объективируемое содержание лексических единиц путем сравнения данных, полученных в разных видах его описания: 1) профессиональной деятельности лексикографов и 2) метаязыковой деятельности «наивных лингвистов» – носителей языка. Сравнив словарные толкования лексических единиц, представляющие собой результат профессиональных попыток экспликации значений слов, с одной стороны, с результатами направленного ассоциативного эксперимента по определению значений слов носителями языка, с другой, сопоставив, наконец, данные, извлеченные из метаязыковых описаний, с контекстуальными наблюдениями, мы полагаем: комплексный анализ того, что становится объективируемым в значении слова, будет способствовать решению первоочередной задачи в лингвистике – выявлению семантического потенциала лексических единиц, содержательных характеристик и границ значения, определению его источников и разработке методов анализа.

Для нашего анализа были выбраны наименования времен года в русском языке: *зима, весна, лето, осень* – простые слова, по-видимому, известные носителям русского языка с самого раннего возраста, частотные, хотя у конкретных слов показатели частотности не совпадают. В качестве лексикографических источников нами выбраны Семантический словарь русского языка под ред. Н. Ю. Шведовой [2] (ССРЯ), Малый академический словарь русского языка под ред. А. П. Евгеньевой [3] (МАС), Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова [4] (СОЖ), Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля [5] (Словарь Даля) (табл. 1).

Словарные дефиниции наименований времен года в русском языке

	ССРЯ	МАС	СОЖ	Словарь Даля
<i>весна</i>	Время года, следующее за зимой и предшествующее лету; время, когда природа оживает.	Время года между зимой и летом.	Время года, следующее за зимой.	Одно из четырех времен года, между зимою и литомъ, по астрнмч. счету, со вступленія солнца въ знакъ Овна, съ 8 марта по 9 іюня.
<i>лето</i>	Самое тёплое время года, следующее за весной и предшествующее осени; время расцвета природы.	Самое теплое время года, наступающее вслед за весной и сменяющееся осенью.	Самое тёплое время года, следующее за весной.	Самое теплое из четырех времен года; по календарю (астрономическое лито), отъ вступленія солнца въ знакъ Рака, до вступленія его въ знакъ Висовъ, отъ 9 іюня до 11 сентября, отъ равенства до солнцестоянія.
<i>осень</i>	Время года, следующее за летом и предшествующее зиме; время увядания природы.	Время года между летом и зимой.	Время года, следующее за летом.	Время года межъ лета и зимы, астрономич. три мѣсяца, въ кои солнце проходитъ знаки висовъ, скорпѣона и стрѣльца; въ общежитіи, сентябрь и октябрь, до снижнаго пути и рикостава.
<i>зима</i>	Самое холодное время года, следующее за осенью и предшествующее весне; время, когда природа замирает.	Самое холодное время года, наступающее за осенью и сменяющееся весной.	Самое холодное время года, следующее за осенью.	Одно из четырех времен года, между осени и весны; астрономически, въ сиверномъ полушаріи, отъ вступленія солнца въ знакъ Козерога, 9 декабря, и до вступленія его въ знакъ Овна, 8 марта; на дили же, отъ начала морозовъ и зимняго пути до весенней распутицы.

Анализ дефиниций времен года, приводимых в авторитетных словарях русского языка, позволяет сделать ряд заключений как относительно собственно семантики данных лексических единиц, так и лексикографической практики их описания¹. Очевидно, что наименования времен года – реля-

¹ Заметим, что в словарные статьи, в которых в качестве заглавных слов выступают наименования времен года, естественно, входят и описания их вторичных значений, в которых эти языковые формы являются членами иных лексико-семантических объединений, таких, например, как «Наименования процессов и состояний». Некоторые составители словарей также сопровождают предлагаемые ими дефиниции наименований времен года примерами контекстуальных употреблений, многочисленными фразеологическими оборотами, в состав которых входят данные слова. Зачастую в словарные статьи включаются и дериваты разного типа, диалектные, архаичные слова и т.д. Представляя собой несомненный интерес для широкого круга лингвистических исследований, эти сведения, тем не менее, не являются описаниями собственно основных значений исследуемых единиц и потому не входят в объект анализа в данной работе.

тивны́е слова, определяемые по отношению друг к другу (см. указания типа «между зимой и летом», «между осенью и летом»), в семантике которых наряду с категориальным временным компонентом – ‘период, время года’ – важнейшим является его место в общей последовательности всего сезонного темпорального цикла (ср. также указания «следующее за... и предшествующее...», «наступающее вслед за... и сменяющееся...»). В некоторых случаях при толковании значений лексикограф считает необходимым указать на температурные характеристики обозначаемого периода (см. *лето* и *зима*) или на такие природные явления, как оживание (*весна*), расцвет (*лето*), увядание (*осень*), замирание природы (*зима*). В целом же лексикографические описания основных значений наименований времен года семантически бедны, особенно на фоне денотатных полипризнаковых слов, так как не содержат компонентов, которые указывали бы на те или иные, кроме названных выше, атрибуты называемого периода времени, также общее число семантических компонентов в толкованиях данных слов ограничено, как правило, двумя, реже тремя компонентами. Несколько обширнее определения, данные В. И. Далем, в которых не просто указывается на место того или иного периода в общей четырехчастной темпоральной системе, но и приводятся сведения о состоянии солнца, календарных датах, погодных характеристиках и даже информация о знаках Зодиака. Именно эти словарные описания наиболее близки энциклопедическим определениям соответствующего временного периода (ср., например, описание зимы или весны в Большой советской энциклопедии: «Зима, время года, продолжающееся в Северном полушарии Земли с момента зимнего солнцестояния (см. Солнцестояние) (21 или 22 декабря) до момента весеннего равноденствия (см. Равноденствие) (20 или 21 марта)...», «Весна, время года, продолжающееся в Северном полушарии Земли с момента весеннего равноденствия (20 или 21 марта) до момента летнего солнцестояния (21 или 22 июня)...» [6]).

Не останавливаясь еще на одном очевидном выводе, вытекающем из анализа словарных данных, а именно вариативности лексикографических дефиниций, которая особенно присуща описаниям денотатных слов (см. [7]), и считая неправомерными критические упреки в адрес лексикографов, выполняющих свою трудную работу квалифицированно, с полным пониманием своих задач и возможностей, предлагающих в принципе оптимальные решения, ориентируясь на знание пользователей языка (см. [8]), отметим следующее. С учетом анализа дефиниций, особенно их различий в разных словарях, становится явным и то, что значение лексической единицы в ее лексикографическом описании, т.е. дефиниции, как не раз подчеркивали ведущие семасиологи, – далеко не полная семантика слова [9].

В поисках более полного семантического описания обратимся к еще одному типу метаязыковой практики – определениям слов, предлагаемых носителями языка. Данный вид метаязыковой деятельности достаточно часто встречается в коммуникации, в ходе которой возникает необходимость разъяснения значения употребляемого слова [10]. Не ставя перед собой

задачи более или менее всеобъемлющего исследования языковой компетенции носителей русского языка в плане знания семантики наименований времен года, что предполагало бы учет возрастных, половых, социальных (образовательных, профессиональных и т.д.) характеристик разных групп испытуемых, мы сочли возможным ограничиться небольшим психолингвистическим экспериментом, воспроизводящим достаточно точно метаязыковую деятельность носителей русского языка (табл. 2). В нем участвовали 46 студентов факультета романских языков и магистратуры МГЛУ, т.е. молодые люди старше 20 лет с филологическим образованием и опытом дефинирования лексических единиц, приобретенным за годы обучения иностранным языкам. Данное обстоятельство представляется важным фактором, поскольку задача дать определение даже таким простым словам, какими предстают для носителей русского языка названия времен года, оказалась, по словам студентов-участников эксперимента, чрезвычайно трудной, но, по-видимому, вследствие наличия у них определенных навыков, гораздо более легкой, если сравнивать с тем, как иные категории испытуемых справились бы с заданием. Например, речь о художниках, математиках, инженерах, работниках сельского хозяйства и т.д.

Т а б л и ц а 2

Семантические компоненты в значениях наименований времен года
(анкетные данные участников эксперимента)

	Семантические компоненты							
	time	duration	temperature	nature	event	action	location	evaluation
<i>зима</i>	44/ 95,6 %	20/ 43,5 %	44/ 95,6 %	42/ 91,3 %	14/ 30,4 %	4/ 8,7 %	8/ 17,4 %	2/ 4,3 %
<i>весна</i>	44/ 95,6 %	20/ 43,5 %	26/ 56,5 %	42/ 91,3 %	4/ 8,7 %	2/ 4,3 %	0	4/ 8,7 %
<i>лето</i>	46/ 100 %	20/ 43,5 %	38/ 82,6 %	26/ 56,5 %	0	12/ 26 %	0	4/ 8,7 %
<i>осень</i>	46/ 100 %	22/ 47,8 %	0	44/ 95,6 %	2/ 4,3 %	6/ 13 %	0	8/ 17,4 %

Результаты проведенного эксперимента весьма показательны. Они свидетельствуют о том, что испытуемые в своих определениях, различаясь по числу атрибутов (от 2 до 8), следуют тем же принципиальным линиям описания семантики указанных слов, что и профессиональные лексикографы. Обязательным компонентом предложенных дефиниций является категориальный компонент «пора года», «время года», «одна из четырех пор

(времен) года», «период года», «сезон», за исключением описания слов *зима* и *весна*, в которых этот компонент не указан, но присутствует в дефинициях слов *лето*, *осень* у тех же испытуемых.

В 43,5 % ответов для слов *зима*, *весна*, *лето* и 47,8 % для слова *осень* данный временной компонент в некоторых определениях получает уточнение в виде указания месяцев и места в последовательности. Например:

зима – «следующая за осенью; наступает после осени; включающая в себя 3 месяца: декабрь, январь, февраль; с формальной длительностью в 3 месяца; календарная зима начинается с 1 декабря и длится до 28/29 февраля; определенная календарными рамками с декабря по февраль»; *весна* – «следующая за зимой; приходящая на смену зиме, включающая в себя 3 месяца: март, апрель, май; время после зимы; следует после зимы календарная весна – 1 марта–31 мая»; *лето* – «пора года, следующая за весной; приходящая на смену весне, включающая месяцы: июнь, июль, август; следует за весной; формальная длительность составляет 3 месяца; календарное лето – 1 июня – 31 августа; с июня по август; длится с июня по август; приходится на такие месяцы, как июнь, июль и август»; *осень* – пора года, следующая за летом; приходящая на смену лету, включающая в себя 3 месяца: сентябрь, октябрь, ноябрь; наступает вслед за летом; наступающая после лета; следующая за летом; следующая за летом, предшествующая зиме; выпадающая на такой период, как сентябрь, октябрь и ноябрь; календарная осень – 1 сентября–30 ноября; с сентября по ноябрь; начинается после лета, длится с сентября по ноябрь; включающая 3 месяца».

Еще одним частотным компонентом метаязыковых описаний данных слов являются указания на температурные характеристики обозначаемого временного периода:

зима (44 из 46 ответов: «самая холодная пора – 8, самое холодное время года – 2, холодное время года – 2, очень холодно – 2, когда холодно – 2, на улице холодно – 2, характеризуется холодом – 2, (самые) низкие температуры воздуха – 8» и др.);

лето (38 из 46 ответов: «когда жарко – 2, самый жаркий сезон – 2, самое жаркое время года – 2, самая (наиболее) теплая пора – 12, самое теплое время года – 4, с высокими температурами воздуха – 2» и т.д.);

весна (26 из 46 ответов: «тепло – 4, теплеет – 2, постепенно становится теплее – 2, повышается температура – 2, характеризуется потеплением – 2» и др.);

осень (30 из 46 ответов: «когда холодно – 2, холодает – 2, становится холодно – 2, наступают холода – 2, характеризуется понижением температуры – 2, характеризуется понижением температурного режима – 2, температура понижается, постепенно становится холоднее – 2, характеризуется похолоданием – 4» и т.д.).

Привлекают внимание лидирующие позиции по наличию данного компонента у слов *зима* и *лето*: наибольшее число респондентов отмечают

таким образом полярные точки температурной шкалы, в то время как при описании аналогичных свойств весны и осени, когда температурные режимы особенно неустойчивы, их указывают меньшее число испытуемых.

Приближаются по своей частотности к указаниям температурных свойств описываемых периодов и подробные сведения о погоде в тот или иной временной период. Для слов *зима*, *весна*, *осень* они присутствуют почти во всех данных студентами толкованиях (42 из 46 у слов *зима*, *весна* и 44 у слова *осень*). Лето почему-то значительным числом опрошенных студентов не наделяется данными атрибутами, и этот признак упоминается лишь в 26 дефинициях слова *лето*. При этом указания на природные характеристики обозначаемого временного периода варьируются от общих формулировок типа «характеризующаяся определенными природными условиями» до детальных описаний типа «характеризуется суровыми погодными условиями (метелью, сильным морозом, гололедом), малосолнечностью» или частных характеристик: «когда на деревьях нет листьев, они покрыты инеем и снегом; когда легкие наполняются морозной свежестью, а нос пощипывает от холода» и т.п. у слова *зима* и аналогичных описаний других слов данного цикла. Ср.:

весна – «характеризующееся определенными природными условиями; характеризуемое грязью и слякотью в начале и пробуждением природы и хорошей погодой в конце; птицы возвращаются с юга, природа оживает; природа пробуждается ото сна, тает снег; по реке идет лед, начинаются грозы и теплые дожди; характерно цветение растений, когда тает снег; текут ручьи, просыпается природа» и т.д.;

лето – «характеризующееся определенными природными условиями; когда ярко светит солнце; световой день долгий; растения окончательно, как правило, отцветают, а некоторые – к концу лета – начинают увядать; когда сильно светит солнце; данный промежуток времени характеризуется дождями; в огороде растет и спеет клубника; отличающееся обильными дождями и активной деятельностью насекомых» и др.;

осень – «когда желтеет листва, идут дожди, дует сильный ветер; характеризующаяся определенными природными условиями; когда природа готовится к зимней спячке, в лесу много ягод и грибов, опадают листья, идет дождь; часто идут дожди и природа увядает; дни становятся короче, часто идет дождь, на улице пасмурно; характеризуется дождливыми днями и сокращением светового дня» и т.д.

Наряду с перечисленными выше компонентами в определениях исследуемых циклических имен отмечается также событийный компонент, связанный с отмечаемыми в тот или иной временной период праздниками (например, *зима* – «Рождество; в эту пору принято отмечать Новый год и ряд других праздников, связанных с христианской традицией – Рождество и прочие»; *весна* – «празднуется Пасха, 8 марта; ассоциация с праздниками 8 марта и Пасха»; *осень* – «празднуется День матери, Покрова». Однако он представлен в незначительном числе толкований: всего в 14 из 46 у слова *зима*, 4 – у слова *весна*, 6 – у слова *осень*.

В еще меньшем числе предложенных студентами определений присутствует деятельностный компонент, т.е. описание видов деятельности в тот или иной обозначаемый временной период. Так, для слова *зима* он указан лишь в 4 ответах (напр., «студенты сдают экзамены, можно кататься на лыжах и с горы на ватрушке»). *Весна* характеризуется как «пора любви», а *осень* как время, когда «дети идут в школу, время сбора урожая; происходит сбор урожая и подготовка к зиме; когда уже готовишься к новому году». Наибольшее число указаний на деятельность того или иного рода (12 из 46) мы находим в описаниях слова *лето*: «дети не ходят в школу, можно купаться в реках, озерах, отдыхать; можно купаться в речке, летние каникулы; это каникулы, свободное время, но в то же время самая “горячая” пора для жителей деревни, ведь лето – это самая трудоемкая пора года, очень многое можно успеть за 1 день; дети играют, многие люди отдыхают с семьей; когда можно наконец отдохнуть, но в то же время сгореть под палящим солнцем; ассоциируется с отдыхом» и др.

Закрывают перечень семантических компонентов в ответах студентов эмоционально-оценочные и локативные признаки. Они немногочисленны: указания на локативность («в северном полушарии; в некоторых странах; в нашем регионе; в наших широтах») встретились лишь в 8 ответах. По эмоционально-оценочному параметру лидирует слово *осень* (8 из 46 ответов: «самое красочное время года; становится грустно; пора года, красоту которой многие недооценивают; “золотая пора” года» и др.). *Лето* характеризуется как «самое веселое время года, самое любимое время года, беззаботное, хочется, чтобы лето никогда не кончалось; люди наслаждаются каждым лучом», а *весна* – как время, когда «настроение становится лучше и радостнее; на полянах солянка цветов радует мой глаз» и т.д.

Устанавливаемое сходство лексикографических и «наивных» описаний основных значений исследуемых единиц в целом согласуется с отмечаемой в литературе близостью определений, предлагаемых носителями языка, к профессиональным [11].

Вряд ли в ответах студентов отмечаемыми признаками, при том, что их число значительно больше числа признаков в лексикографических описаниях, исчерпываются знания характеристик обозначаемых временных периодов и тем более знания о временах года, связываемых с их обозначениями у других членов русскоязычного сообщества. Нет сомнения и в том, что житель сельской местности, занятый в хозяйстве, о лете будет иметь несколько иное представление по сравнению с представлением наших студентов и, следовательно, несколько иначе определять значения слова *лето* или *осень*. Соответственно, если бы мы вовлекли в наш эксперимент большее число испытуемых, тем более разных групп, мы получили бы несколько иные данные.

Расширив используемые нами методы, прежде всего обратившись к контекстуальному анализу, диапазон которого стал благодаря масштабности контекстуальных возможностей имеющихся корпусов практически необозри-

мым, применив и некоторые иные процедуры (например, анализ фразеологизмов, дериватов разного типа (см. [12]), мы также получим более полную картину семантических характеристик исследуемой лексики. Из нее явствует, что обозначаемый период времени может различаться по длительности (*короткое лето, короткая весна, зима, осень; долгая зима, весна, осень, долгое лето; ранняя зима, весна, осень; поздняя весна, зима, осень* и т.д.); по температурным и метеорологическим характеристикам (*теплое лето, теплая зима, весна, осень; холодное лето, холодная зима, весна, осень; снежная, бесснежная, дождливая зима; дождливое лето, засушливое лето; дождливая осень, сухая осень*) и целому ряду других параметров.

В контексте поставленной проблемы важно, однако, другое. Если целью описания значения слова является его исчерпывающая характеристика, которая предполагает учет всех актуализируемых компонентов содержания, извлекаемых из концептуального мира носителей языка, то результаты нашего эксперимента даже в таком ограниченном варианте, демонстрируя различия в количестве и типах репрезентируемой словом информации, приводят к выводу о том, что, как и лексикографы, носители языка, следуя некоторой семантической схеме или модели, лежащей в основе их ответов (ср. с семантическим стержнем лексикографических описаний, предложенных А. Вежбицкой [13]), не дают исчерпывающей семантической характеристики слова. Одновременно они заставляют задуматься над целым рядом значимых для лингвистики вопросов. По-видимому, первый из них и, вероятно, самый сложный связан с разграничением релевантной и нерелевантной информации, социально значимого знания и индивидуального опыта носителя языка – на каких основаниях осуществлять выбор тех или иных признаков из общей неоднородной совокупности онтологических свойств обозначаемого периода времени, например, весны, для которой, согласно ответам испытуемых, характерны таяние снега, ледоход, пение птиц, оживление природы, цветение подснежников и тюльпанов, грязь, слякоть и т.д. Мы также должны решить, является ли знание, например, календарных границ обозначаемого периода и тем более уточненных данных о временных рамках того или иного периода с указанием дат солнцестояния (что характерно для энциклопедических описаний) необходимым компонентом семантики данных слов, учитывая к тому же то, что эти временные рамки могут меняться (ср. высказывания типа *В этом году лета практически не было* или *Весна в этом году наступила рано и длилась недолго*). Вариативность ответов на этот вопрос, наблюдаемая и у профессиональных лексикографов, и у студентов, не дает нам возможности его однозначного решения.

Нет сомнения в том, что грань между лингвистическим, т.е. социальным общим знанием, научным, энциклопедическим знанием и индивидуальным знанием, актуализируемым в конкретных коммуникативных ситуациях, в целом грань между семантикой и прагматикой слова весьма условна. Именно к такому выводу пришла когнитивистика, призывая отказаться

от данного разграничения вследствие его условности и бесполезности (см. [14; 15]). Соответственно, невозможно представить значение в виде единственно верного набора признаков, поскольку структура и границы семантического описания зависят от выбранной говорящим стратегии представления значения – то есть, отметим еще раз, от выбранной идеализированной когнитивной модели [16], которая в свою очередь определяет структуру эксплицируемых признаков, а также границы между описываемым значением и близкими по смыслу семантическими категориями. Значение оказывается ускользающей сущностью, данной только в определенном контексте и составляющей лишь часть общего семантического потенциала слова, детерминируемого знанием, заключенном в его концептуальной структуре. Важно, однако, то, что связь с концептуальной структурой, благодаря которой становится возможным профилировать ее разные участки, лежит в основе семантической гибкости лексических единиц и их широкого семантического потенциала, реализуемого в бесконечности коммуникативных ситуаций, в которых актуализация и релевантность тех или иных признаков может зависеть от выбора говорящего.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Chomsky, N. Language and problems of knowledge : the Managua lectures / N. Chomsky. – Cambridge ; London : MIT Press, 1988. – X. – 205 p.*
2. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова ; под общ. ред. Н. Ю. Шведовой [Электронный ресурс]. – М. : Азбуковник, 1998. – Режим доступа : <https://www.slovari.ru/default.aspx?p=235>. – Дата доступа : 06.11.2021.
3. Словарь русского языка : в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой [Электронный ресурс]. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Русский язык, 1981–1984. – Режим доступа : <https://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=240>. – Дата доступа : 06.11.2021.
4. *Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=244>. – Дата доступа: 06.11.2021.*
5. *Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль ; под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=246>. – Дата доступа : 06.11.2021.*
6. Большая Советская Энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://bse.sci-lib.com/>. – Дата доступа : 06.11.2021.
7. *Харитончик, З. А. Изменчивость и вариативность лексикографического дискурса / З. А. Харитончик // 70 Години Българска Академична Лексикография : материалы VI нац. конф. с междунар. участием по лексикографии и лексикологии, София, 24–25 окт. 2012 г. / Ин-т бълг. яз. при БАН ; редкол. : Л. Крумова-Цветкова [и др.]. – София, 2013. – С. 81–88.*

8. *Bolinger, D.* The Atomization of Meaning / D. Bolinger. – Language. – 1965. – Vol. 41. – No. 4. – P. 555–573.
9. *Кузнецов, А. М.* Объективные знания об окружающем мире и их отражение в лексике и лексикографии / А. М. Кузнецов // Слово в грамматике и словаре. – М. : Наука, 1984. – С. 159–164.
10. *Тур, В. В.* Когнитивные принципы лексикографического описания семантики слова / В. В. Тур // Языки, культуры, модальности : интеграция методов когнитивных исследований языка : материалы круглого стола, Москва, 1 ноябр. 2019 г. / Москов. гос. лингвист. ун-т ; гл. ред. вып. О. К. Ирисханова. – Тамбов : Издат. дом «Державинский», 2019. – Вып. XXXVIII. – С. 74–81.
11. *Воробьёва, М. Е.* Интерпретационное функционирование юридического языка в обыденном сознании : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / М. Е. Воробьёва ; Кемеров. гос. ун-т. – Кемерово, 2014.
12. *Харитончик, З. А.* Деривационная активность конститuentов лексических циклических структур / З. А. Харитончик // Словаўтварэнне і іншыя ўзроўні беларускай літаратурнай мовы : матэрыялы міжнар. навук. канф., Мінск, 24–25 лістап. 2014 г. – Мінск : Права і эканоміка, 2014. – С. 223–230.
13. *Wierzbicka, A.* Lexicography and Conceptual Analysis / A. Wierzbicka. – Ann Arbor : Karoma Publishers, 1985. – 390 p.
14. *Langacker, R.* Cognitive Grammar : A Basic Introduction / R. Langacker. – Oxford [et al] : Oxford University Press, 2008. – 573 p.
15. *Харитончик, З. А.* Типология латентных признаков, актуализируемых в семантике слова в контексте / З. А. Харитончик, В. В. Тур // Когнитивные исследования языка : сб. науч. тр., посвященный юбилею Н. Н. Болдырева. – Москва-Тамбов : Издат. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2016. – Вып. XXIV : Личность. Язык. Сознание. – С. 684–696.
16. *Тур, В. В.* Вариативность лексикографических дефиниций как отражение динамичной природы лексического значения / В. В. Тур // Журн. Белорус. гос. ун-та. Филология. – 2021. – № 1. – С. 87–96.

Поступила в редакцию 20.01.2022